

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.4>

УДК 215

ББК 86.212

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Светлана Владимировна Девятова

Доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
welt1936@yandex.ru
просп. Ломоносовский, 7, 119234 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сегодня огромное влияние и на человека и на окружающий его мир оказывает наука. Сформировавшийся в рамках науки стиль мышления и исследования представляется большинству людей наиболее адекватным способом отношения к действительности и ее познания. Хотя период торжества идеологии сциентизма уже отошел в прошлое, наука обладает огромным авторитетом и наше время по праву продолжают называть временем науки. Она вносит существенные изменения в мировоззрение, культуру и образ жизни современного человека. Какой в этих условиях должна быть христианская теология, которая всегда стремилась оказывать значительное влияние на эти области человеческого бытия? Пытаясь ответить на этот вопрос, христианская теология, для которой проблема соотношения веры и знания, религии и науки на протяжении многих столетий является одним из главных предметов обсуждения, стала уделять этой проблематике повышенное внимание. В современной западной христианской теологии развивается направление, сторонники которого считают установление не просто диалога, а союза науки и теологии одной из важнейших задач. В этой связи ими проводится сравнительный методологический анализ науки и теологии, фиксируются их специфические и сходные характеристики. Этими различиями и сходствами обусловлены необходимость и возможность их взаимодействия. Сторонники такого подхода считают, что в современных условиях теология в своей интеллектуальной деятельности должна ориентироваться на стиль научного исследования. Она должна преодолеть свой авторитаризм, догматизм и консерватизм и стать более рациональной, открытой и динамичной. Развиваясь в таком стиле, теология сможет стать необходимым и достойным партнером науке по построению единой, целостной картины мира, а также быть для человека авторитетным и адекватным ориентиром и помощником в жизни.

Ключевые слова: христианство, теология, наука, вера, знание, традиция, рациональность, сциентизм.

Современные христианские теологи с сожалением и тревогой констатируют факт снижения авторитета христианства в западном обществе, который особенно характерен для образованной его части. Причем претензии в адрес христианской теологии звучат со

стороны не только атеистов или вольнодумцев, но и верующих людей, и даже самих богословов. Ее критикуют за чрезмерное теоретизирование, абстрактность построений, необоснованность и неубедительность суждений, оторванность от действительности, от

проблем и переживаний (в том числе и религиозных) реальных людей в их реальной жизни. Богословы фиксируют также кризисные явления в теологии, проявляющиеся, в частности, в том, что «уже ни Священное Писание, ни традиции богослужения не могут более сами свидетельствовать о своей собственной подлинности и священной природе» [1, с. 22]. При этом особенно подчеркивается, что наиболее убедительными аргументами, подтверждающими их истинность, адекватность, необходимость, считаются те, которые приходят со стороны, извне религиозной среды.

Какой же должна быть современная христианская теология, чтобы эффективно выполнять свою миссию – быть надежным фундаментом христианства, отвечающим духовным, интеллектуальным запросам и чаяниям человека XXI века, помогать ему обрести правильные ориентиры в жизни, активно участвовать в формировании его мировоззрения? Очевидно, что в силу значительности этой проблемы, у нее нет однозначного решения, и мнения теологов по этому поводу существенно расходятся. Большой интерес, в частности, представляют взгляды, развиваемые в последние десятилетия целой плеядой замечательных западных христианских мыслителей, крупнейших специалистов по проблеме «Религия и наука» – создателем «неоклассической метафизики», американским философом Ч. Хартсхорном; английским теологом и биохимиком А. Пикоком; английским теологом и физиком, членом Королевского общества Д. Полкинхорном; американским теологом и физиком И. Барбуром и др.

Избранный ими путь поиска ответа на поставленный вопрос в принципе не отличается новизной. В таком стиле рассуждал еще Р. Декарт, выбирая идеал построения научного знания. И сегодня нам также следует определить, какие области культуры достигли наибольших успехов и оказали на жизнь людей наибольшее влияние. Конечно, «весовые категории» здесь разные, и области эти трудно соизмерить. Но после всех оговорок очевидно, что первое место по праву займет наука. А дальше нужно понять, как она достигла своих успехов. «Широко распространенный успех науки слишком значимый вопрос, что-

бы его рассматривать как если бы это был счастливый случай, которым мы свободны наслаждаться без более глубокого исследования, почему это произошло» [4, с. 8]. Проведя такое исследование, мы признаем, что весьма важную роль здесь сыграл стиль научного мышления и научной деятельности. Затем мы обсудим вопрос: «Следует ли применять эту стилистику и в теологии?» Наконец, осмыслив «необходимости и возможности» такого применения, мы приходим к выводу, что именно так и нужно поступить и христианской теологии сегодня ничто не мешает использовать те принципы, которые обычно ассоциируются (по крайней мере, в обыденном сознании) с наукой.

Современная теология, по мнению этих богословов и их единомышленников, должна быть рационально обоснованной, непротиворечивой, в методологическом отношении построенной в том же стиле, что и наука. Такая программа отнюдь не утопия, а ее реализация вовсе не такая уж революция. Как это нередко бывает, новое – хорошо забытое старое. В данном случае не такое уж новое и не очень забытое. Итак, обратимся к истории. Конечно, не случайно на заре христианства Тертуллиан предостерегал религию от контактов с наукой. Молодое учение могло и не выдержать конкуренции с античной философией, не устоять перед рациональным познанием. Оно могло потерять свою целостность и рассыпаться на множество течений. Возможно (по крайней мере, в какой-то степени) этим объясняются заявления блестящего мыслителя и его последователей о несовместимости Афин (знания) и Иерусалима (веры), а также о том, что попытки интерпретировать писание ведут к ересям. Идеология Тертуллиана оправдала себя и выполнила свою миссию. Отчасти и благодаря ей христианство вошло в Средние века безусловным идеологическим и мировоззренческим лидером. А дальше надо было снова предпринимать усилия, чтобы удержаться на этих позициях не только «физически», но и духовно. Хотя Средневековье принято называть в интеллектуальном отношении периодом застоя, но все-таки мысль на месте не стояла. К первым трем столетиям II тысячелетия относится деятельность таких замечательных мыслителей, как

Р. Гроссетест, Р. Бэкон, Леонардо Пизанский (Фибоначчи), Альберт Великий. Осуществляются путешествия В. Рубрика, М. Поло. В этот период были созданы «Тристан и Изольда», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде». Формируется профессиональная светская музыка. Итальянский монах Г. д'Ареццо изобретает начала современной нотной записи. В архитектуре появляются романский (первый подлинно интернациональный) и готический стили. Начинает развиваться система образования, создаются первые в христианском мире университеты. Так что и в этот период мы наблюдаем, конечно, далеко не столь интенсивное, как в последующие времена, но всестороннее развитие западной культуры. Кроме того, в VII в. возник ислам, после чего настал период мусульманского Возрождения с его университетами, библиотеками и развитием самых разных областей научного познания и культуры в целом.

Неслучайно появляются в это время: рассуждения Фома Аквинского о гармонии веры и разума, доказательство Ансельмом Кентерберийским и Фомой Аквинским бытия Бога, изыскания П. Абеляра, учение У. Оккама и т. д. В христианстве, хотя и постепенно, но формировалось понимание того, что вера и знание – не несовместные гений и злодейство (хотя, как мы теперь знаем, и они способны сосуществовать). Проблема, коротко выражаемая кредо «верю, чтобы знать», «понимать, чтобы верить», начавшая серьезно и глубоко обсуждаться еще Аврелием Августином, теперь постоянно будет находиться в поле внимания теологов. Проблемы обоснования теологических суждений, доказательство даже бытия Бога – сами эти формулировки являются свидетельством вхождения в теологию рационального компонента.

После раскола христианские сообщества Востока и Запада пошли во многих отношениях, в том числе и ментальном, разными путями. В данном случае существенно то, что западноевропейская наука интенсивно развивалась, появившаяся промышленность становилась все более наукоемкой, неуклонно возрастало внимание к науке и образованию со стороны общества и его правителей. Это, а также целый ряд причин, специфически рели-

гиозных и социокультурных, обусловили тот факт, что проблематика «религия и наука» стала более актуальной и активно обсуждаемой в западной христианской теологии. Именно католикам, а затем и протестантам первыми в христианском мире пришлось столкнуться с необходимостью осмысления и реагирования на мировоззренчески значимые научные теории. Можно сказать, что во втором тысячелетии развитие западного христианства шло даже не параллельно, а скорее взаимосвязанно с развитием науки, испытывая на себе ее влияние (этого, кстати, не произойдет ни с никакой другой религией). С одной стороны, мы знаем, что вплоть до эпохи Просвещения абсолютное большинство людей, занимавшихся научной деятельностью, были верующими христианами. С другой стороны, христианство вольно или вынужденно, рано или поздно, но ассимилировало достижения науки. И этот процесс, как известно, был весьма беспокойным и сопровождался множеством коллизий.

Противоречивый характер истории христианства и науки и оценивается неоднозначно. Были здесь и плюсы, и минусы. Мы не знаем войны, которая (по крайней мере, пока она идет) не тормозила бы развитие воюющих сторон. То есть, очевидно, что противостояние христианства и науки сыграло роль, мягко говоря, сдерживающего фактора в прогрессе познания. Но мы знаем и пословицу «В спорах рождается истина», и лозунг «В борьбе обретешь ты право свое». Эти высказывания актуальны и для науки, и для теологии. Известно, какая борьба велась между адептами и противниками теорий гелиоцентризма, самозарождения, катастроф, теплорода, флогистона, эволюции и др. Научные теории с огромным трудом прокладывали себе путь в здание науки, и остаться в нем смогли лишь те, истинность которых была доказана и эмпирически, и теоретически.

С некоторыми оговорками похожая ситуация наблюдалась и в теологии, где учение и его источники подверглись (особенно активному в эпоху Просвещения) критическому историческому, лингвистическому, литературоведческому, естественно-научному, философскому анализу. Богословы также выдвигали идеи и формировали учения, далеко не

всегда или не сразу положительно воспринимавшиеся их коллегами. Что касается науки, то, имея в ее лице достойного, мощного оппонента, христианство могло совершенствоваться, используя рациональные аргументы, а не просто ссылки на авторитеты; идти в русле развития познания, культуры, реагируя на требования времени. И так же, как науке, теологии приходилось отказываться от каких-то, даже считавшихся фундаментальными, установок, что-то корректировать. В результате в ней оставались наиболее фундированные положения.

А. Пикок обращает внимание на весьма интересный момент. Западная христианская церковь оказалась именно такой церковью, которая допускала и допускает критический анализ и извне, и изнутри, продемонстрировав способность произвести реформы своего вероучения, весьма радикальные в некоторых отношениях. Эта церковь функционировала в соответствующем обществе, позволившем подобную ревизию в отношении феномена, статус которого несоизмерим ни с чьим другим.

И все же в целом история взаимоотношений христианства и науки оценивается теологами как история, если не войны, то, по крайней мере, противостояния. В современных условиях прежние отношения христианства и науки, по их мнению, бесперспективны и неприемлемы.

Масштаб научных открытий последних столетий поистине грандиозен. Наука колоссально расширила, углубила и, по сути, преобразовала наши представления о мироздании. С ее помощью люди стали активно воздействовать на природу. Она создала средства, позволяющие не только удлинить, но и улучшить жизнь человека. Наука проникла буквально всюду. И появилось ощущение, что только наука дает истинное знание, что она самодостаточна, что, действительно, с помощью науки, пусть не здесь и сейчас, но в принципе можно решить любые проблемы. Это ощущение нашло свое воплощение в чрезвычайно популярной в XX столетии идеологии сциентизма. В споре физиков и лириков победа однозначно осталась за физиками. Что же касается христианства, то оно «неожиданно обнаружило, что человек XX века не видит смысла в христианской религии (или в чем

другом), если она не созвучна его пониманию мира, которое сформировалось под влиянием науки» [1, с. 16].

Однако, как известно, торжество сциентизма длилось относительно недолго. Создание и частичное применение невиданных прежде мощнейших средств массового уничтожения, происходящие едва ли не друг за другом антропогенные катастрофы (аварии на атомных станциях с их последствиями, спровоцированные деятельностью человека природные катаклизмы и др.), превращение экологической проблемы в одну из глобальных проблем современности, основательно поколебали позиции сциентистов во мнении людей уже в последней трети XX столетия.

Более того, как особенно подчеркивают теологи, стало очевидно, что наука вовсе не является самодостаточной и всемогущей. Ее развитие зависит от множества факторов – от того, где, когда, зачем осуществляются научные изыскания, то есть, от уровня развития государства, от востребованности тех или иных исследований и их результатов, от непосредственного социального заказа и т. п. Осознание многоуровневости мироздания, принципиальной специфики каждого уровня и несводимости его ни к какому другому привело к убеждению о наличии уровней, не объяснимых с помощью только научных методов. Обоснование наукой конечности жизни не только человека, но и обеспечивающего земное бытие Солнца, и даже всей Метагалактики обострило проблему смысла существования. Для чего возник или был создан наш мир, если он обречен на гибель? Богословы замечают, что теперь и сама наука несколько умерила свои претензии, признала свою ограниченность и вывела подобные вопросы из сферы своих интересов (или компетенции). Осознание социального статуса науки в жесткой форме поставило вопрос об ответственности ученых, а также заставило их быть более осмотрительными и осторожными. Еще до недавнего времени одним из оснований противопоставления религии науке было утверждение, что под флагом христианства непрерывно велись кровопролитные войны и на его алтарь положено немало жертв, тогда как наука действовала исключительно во благо человека, развивая его знания, куль-

туру, создавая медицину, технологии и технические приспособления, улучшающие и облегчающие его жизнь. Однако, как был отмечено выше, за последнее столетие люди столкнулись и с гигантской разрушительной силой науки.

Итак, на рубеже II и III тысячелетий наука предстает перед нами как замечательный феномен культуры, проникший во все сферы нашей жизни, способный совершать удивительные открытия, но не обладающий беспредельными познавательными возможностями, существенно связанный с проблемами и запросами общества и нуждающийся в контроле с его стороны.

Со своей стороны, теология, осознавая свои задачи и возможности, а также специфику и запросы времени, и стремясь избежать очередного попадания в ловушку «Бога пробелов», после эпохи Просвещения сконцентрировала свою деятельность на человеке, на поиске смысла именно человеческого бытия. При этом в своей доказательной базе она сделала ставку не столько на рациональное обоснование своих выводов, сколько на человеческий опыт, переживание. Богословие повествует о человеческом религиозном опыте, различном, но действительно универсальном явлении везде и во все времена [2, с. 59].

Таким образом, хотя и не без некоторых оговорок, можно сказать, что теология и наука ставили перед собой разные задачи: наука искала знания о бытии, а религия – о смысле бытия.

Но, как считают теологи, теперь обнаружилось со всей очевидностью, что эти поиски неразрывно связаны. Непродуктивной признается стратегия, в соответствии с которой теология и наука будут независимо вести свои исследования, а потом, объединив результаты этих исследований, мы получим целостную картину. Гораздо более перспективным представляется вариант не автономии, а взаимопроникновения. Теология и наука в познавательном процессе должны идти рука об руку. Разумеется, это вовсе не подразумевает вмешательства одной стороны в конкретную проблематику другой. Понятно, что в каждой области должны работать специалисты, и это стало особенно очевидно в последнее столетие – в эпоху «узкой специализа-

ции». Здесь речь идет о взаимопроникновении и даже интеграции на методологическом и философском уровнях. «Каждая из них ставит перед другой трудные нерешенные проблемы, и средства их взаимодействия становятся все более плодотворными и успешными» [1, с. 17]. Например, получение более адекватного представления о человеке как о психосоматическом целом, соединение идеи эволюционного развития мироздания с учением о Боге как имманентном миру, динамичном его творце. Очевидно, что совершенно неправомерно отказывать теологии в стремлении к познанию. Важнейшим ее компонентом является исследование содержания вероучения и его источников, индивидуальных опытов «встреч с Богом», постижение действительности, существующей в Боге и с Богом, и формирование на этой базе обоснованных концепций и доктрин.

Таким образом, объектом изучения и науки, и теологии является действительность. И, если они доносят результаты своей деятельности (полученное знание) до людей, значит, они считают это знание достоверным. Но достоверность не означает абсолютной истинности. Одним из необходимых условий прогресса познания является открытость для критики. Теология, конечно, более консервативна (и в этом тоже есть свои плюсы), чем наука. Но и она должна быть готова к критическому анализу своего содержания в связи с развитием культуры в целом и познания в частности.

По мнению теологов, признание необходимости такой ревизии и ее осуществление вовсе не катастрофичны для теологии. Наоборот, история свидетельствует о том (и это касается не только теологии, но и других форм культуры, например, искусства, литературы,), что учение тогда становится действенным, когда оно созвучно своей эпохе и умеет реагировать на требования современности. Это делает его более богатым, адекватным, жизнеспособным. Априорное неприятие тех или иных идей только на том основании, что они противоречат традиции, жесткий консерватизм, закрытость имеют некоторое положительное значение (дают возможность доктрине оформиться и закрепиться, создают ощущение устойчивости, стабильности и т. п.), но

только на определенном этапе. А дальше есть большие шансы, что его заменит более динамичное, живое учение. Традиция – феномен замечательный. Она способствует консолидации единомышленников, минимизирует проблему «отцов и детей», дает возможность не начинать «с нуля», обеспечивает бытие человека и общества единым прочным фундаментом. И все же ее не следует абсолютизировать. Она формируется со временем. Но и проверяется она тоже временем. И время здесь надо понимать не в «количественном», а в содержательном плане – как дух времени. Если традиция перестает соответствовать этому духу, то она либо теряет свое значение, либо начинает этому духу сопротивляться, противодействовать. Значит, крайне важно уметь вовремя оценить ситуацию и действовать адекватно требованиям соответствующей эпохи. Например, преодоление сформировавшейся в II–III вв. традиции негативного отношения к интеллектуальному наследию античности отцами-каппадокийцами, обращение Фомы Аквинского к идеям Аристотеля только пошли на благо христианской теологии.

Разумеется, это ни в коем случае не означает постоянного «сбрасывания Пушкина с парохода современности» только на основании того, что «то, что было, то прошло». Это подразумевает способность адекватно соотносить стиль и содержание своей деятельности с особенностями и требованиями современности и постоянно «поверять гармонию разумом». И вовсе не должен сегодня звучать крамольно вопрос, поставленный Д. Полкинхорном в качестве центральной темы одной из его книг: «Является ли... личностный, взаимодействующий Бог понятием, заслуживающим доверия в этот научный век?» [3, с. 3] Мы живем в динамичном во всех отношениях мире. Таким же динамичным является и постоянно совершенствующееся знание, которое, для того чтобы успешно прогрессировать, должно быть открыто для критики и перемен. Любое знание сейчас требует рационального обоснования. В свою очередь это означает конец авторитаризма и догматизма. Ничто не

принимается безоговорочно. Наука довольно давно встала на этот, хотя и тернистый, но единственно возможный для успешного развития путь. Теология, конечно, тоже развивалась и менялась, но в гораздо меньшей степени и с гораздо большим сопротивлением, чем наука. Теперь ей предлагается стать более лабильной и демократичной.

Таким образом, по мнению А. Пикок, Д. Полкинхорна, И. Барбура и их единомышленников, наиболее продуктивной методологической установкой для современной христианской теологии следует считать стремление постигать действительность во всех ее формах; подвергать критическому анализу, а в случае необходимости коррекции и даже элиминации свои источники и положения; рационально обосновывать все свои суждения. Именно такая стратегия сделает теологию более совершенной, адекватной требованиям современности, что позволит ей эффективно выполнять свое предназначение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пикок, А. Богословие в век науки / А. Пикок. – М. : ББИ, 2004. – 413 с.
2. Полкинхорн, Д. Наука и богословие / Д. Полкинхорн. – М. : ББИ, 2004. – 153 с.
3. Polkinghorne, J. *Science and Providence* / J. Polkinghorne. – Philadelphia ; L. : Templeton Foundation Press, 2005. – 129 p.
4. Polkinghorne, J. *Quantum Physics and Theology: an Unexpected Kinship* / J. Polkinghorne. – New Haven : Yale University Press, 2007. – 128 p.

REFERENCES

1. Piko A. *Bogoslovie v vek nauki* [Theology in a Scientific Age]. Moscow, BBI Publ., 2004. 413 p.
2. Polkinghorne J. *Nauka i bogoslovie* [Science and Theology]. Moscow, BBI Publ., 2004. 153 p.
3. Polkinghorne J. *Science and Providence*. Philadelphia; London, Templeton Foundation Press, 2005. 129 p.
4. Polkinghorne J. *Quantum Physics and Theology: an Unexpected Kinship*. New Haven, Yale University Press, 2007. 128 p.

**PROBLEMS OF METHODOLOGY
OF MODERN CHRISTIAN THEOLOGY****Svetlana Vladimirovna Devyatova**

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Department of Philosophy of Natural Faculties,
Lomonosov Moscow State University
welt1936@yandex.ru
Prosp. Lomonosovskiy, 7, 119234 Moscow, Russian Federation

Abstract. Today science has an enormous influence on people and environment. The style of thinking and investigation formed within the framework of science is seen by many people as the most accurate way of dealing with the reality and understanding it. Although the period of the triumph of the ideology of scientism has moved to the past, science has a great reputation and our time has still been called the time of science. It introduces essential modifications into worldview, culture and mode of life of modern people. What must Christian theology be now, the theology which has always tried to have a significant influence on these spheres of human life? Trying to answer this question Christian theology pays special attention to the problem of correlation of science and religion. There is a trend in modern western Christian theology the followers of which consider the union of science and theology to be one of their main task. In this connection they carry out the comparative methodological analysis of science and theology and recorded their specific and similar characteristics. By these specific features and similarities the necessity and possibility of their productive interaction are conditioned. Adherents of such approach consider that in modern conditions theology in its intellectual activities must be oriented towards the style of scientific investigation. It must overcome its authoritarianism, dogmatism and conservatism, and become more rational, dynamic and open for critical analysis. Developing in such style Christian theology will become the necessary and worthy partner of science in formation of the united picture of the world and will also be an authoritative and accurate reference point and helper in human life.

Key words: Christianity, theology, science, faith, knowledge, tradition, rationalism, scientism.